

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКОЙ

PUBLIC POLICY AND PUBLIC POLICY GOVERNANCE

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 560–579.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 560–579.

Научная статья

УДК [327.7:316.722](470.22)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-560-579>

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: КЕЙС РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Екатерина Андреевна Шлапеко¹✉, Сергей Павлович Артеев²,
Светлана Викторовна Кондратьева³

^{1,3} Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия

¹ shlapenko_kate@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3518-4543>

² artsp7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4335-2850>

³ svkorka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Аннотация. Введение: пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 и острая конфронтация между Россией и странами Запада поставили под угрозу реализацию ряда международных проектов в начале 2020-х годов. Закрытые границы существенно усложнили поддержание личных и профессиональных контактов для академического сообщества и экспертных кругов. Противоборствующие стороны проводят политику «культуры отмены». Такая неблагоприятная международно-политическая обстановка стимулирует поиск новых форматов сотрудничества и переосмысление давно известных каналов взаимодействия. В сложившихся внешнеполитических обстоятельствах возрастает значение инструментов для открытого диалога и сохранения климата доверия между региональными сообществами России и иностранных государств: претерпев определенные ограничения, они не были закрыты полностью, как это произошло на межгосударственном уровне. **Цель:** выявление динамики развития общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» в современных геополитических условиях на примере приграничного региона Северо-Западного федерального округа Российской Федерации – Республики Карелия.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Методы: терминологический анализ, контент-анализ документов и компаративный метод. **Результаты:** представлен опыт развития общественной дипломатии в Республике Карелия, вызовы, с которыми столкнулись участники международного диалога, и предложены формы дальнейшей коммуникации. **Выводы:** деполитизированный характер субнационального международного взаимодействия позволит сторонам использовать потенциал «мягкой силы», выявляя значимые для Российской Федерации направления и условия для поступательного развития трансграничных взаимодействий с различными государствами в новой международной политической реальности.

Ключевые слова: международная гуманитарная политика, межтерриториальное сотрудничество, некоммерческие организации, международно-политический кризис, цифровые коммуникации

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН и тематики деятельности кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Для цитирования: Шлапеко Е. А., Артеев С. П., Кондратьева С. В. Динамика развития общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» в современных международно-политических реалиях: кейс Республики Карелия // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 560–579. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-560-579>.

Original article

TRENDS OF NGOS' DIPLOMACY AS A "SOFT POWER" TOOL IN THE NEW INTERNATIONAL POLITICAL REALMS: CASE OF THE REPUBLIC OF KARELIA

Ekaterina A. Shlapenko¹✉, Sergey P. Arteev², Svetlana V. Kondrateva³

^{1,3} Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia

² MGIMO University, Moscow, Russia

¹ shlapenko_kate@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3518-4543>

² artsp7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4335-2850>

³ svkorka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Abstract. Introduction: the COVID-19 pandemic and the acute confrontation between Russia and Western countries jeopardized the implementation of a number of international projects in the early 2020s. Closed borders made it much more difficult for the academic and expert community to maintain personal and professional contacts. The opposing sides pursue a policy of “withdrawal culture”. This unfavorable international political environment stimulates the search for new formats of cooperation and rethinking of long-known channels of interaction. In the current foreign policy circumstances, the tools for open dialog and preserving the climate of trust between the regional communities of Russia and foreign countries are rising their importance: even though they turn out to be very limited, these were not completely closed, as it happened at the interstate level. **Objectives:** to identify the public diplomacy dynamics as an instrument of “soft power” in modern geopolitical conditions using the case of the Republic of Karelia (border region in the North-West of the Russian Federation). **Methods:** terminology analysis, document analysis and comparative method. **Results:** the experience of public diplomacy development in the Republic of Karelia, the challenges faced by the participants of international dialogue and the forms of further communication are presented.

Conclusions: the depoliticized nature of subnational international interaction will allow the parties to use the potential of “soft power”, identifying the directions significant for the Russian Federation and the conditions for the progressive development of cross-border interactions with different states in the new international political reality.

Keywords: international humanitarian policy, public diplomacy, inter-territorial cooperation, non-governmental organizations, international political crisis, digital communications

Acknowledgments: the study was supported by the government fund to the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences and the research field of the World Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

For citation: Shlapenko, E. A., Artyev, S. P. and Kondratyeva, S. V. (2023), “Trends of NGOs’ diplomacy as a “soft power” tool in the new international political realms: Case of the Republic of Karelia”, *Ars Administrandi*, 2023, vol. 15, no. 4, pp. 560–579, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-560-579>.

ВВЕДЕНИЕ

События рубежа 2010–2020-х годов оказали мощное воздействие на реконфигурацию международных отношений. Среди наиболее весомых факторов следует отметить глобальные ограничительные меры в связи с пандемией COVID-19 и вспышками других инфекционных заболеваний, масштабную конфронтацию между Россией и странами Запада, в том числе в связи с событиями на Украине, военно-политические амбиции новых центров силы. В совокупности эти обстоятельства привели к формированию глубоких разломов в международном взаимодействии, к кризису существующей модели мироустройства. В изменившихся условиях резко возрастает значимость трансграничных взаимодействий, осуществляемых не только на национальном, но и на субнациональном (региональном) уровне.

В современных реалиях международные связи субнациональных регионов – парадипломатия – становятся перспективным инструментом «мягкой силы» для преодоления негативных последствий сложившейся ситуации и восстановления партнерских отношений Российской Федерации с зарубежными государствами после окончания острой фазы международно-политического кризиса. Кроме того, активная перенастройка внешнеполитической повестки с Запада на страны Азии, Африки и Латинской Америки также подразумевает вовлечение субъектов Российской Федерации. Для повышения эффективности этих процессов необходим синтез парадипломатии и общественной дипломатии. Опыт общественной дипломатии, накопленный во второй половине XX – начале XXI века, может быть применен для стабилизации международного общения на федеральном, региональном и локальном уровнях. Однако модель общественной дипломатии нуждается в изменении за счет интеграции в нее парадипломатии в качестве инструмента «мягкой силы». При этом предполагается двухуровневая структура продвигаемых внешне-

политических интересов – федеральная и региональная. Следует отметить, что использование парадипломатии, общественной дипломатии и «мягкой силы» в условиях международно-политического кризиса изучено слабо. Более того, в научном дискурсе, как правило, эти вопросы анализируются отдельно.

Дискуссии о «мягкой силе» той или иной страны оживляются в период внешнеполитических кризисов или в связи с острой необходимостью обновления институтов, ответственных за ее проекцию. Этот вектор анализа подкреплен официальной повесткой, представленной в первую очередь Концепцией внешней политики Российской Федерации, в которой утверждается значимость использования, в дополнение к традиционным дипломатическим методам, возможностей гражданского общества для решения внешнеполитических задач. Вовлеченность институтов гражданского общества в международные процессы – общемировой тренд, нашедший отражение и в доктринальных документах нашей страны. Обновленная Концепция внешней политики Российской Федерации, официально опубликованная и вступившая в силу 31 марта 2023 года, содержит новшество, отличающее эту редакцию от предыдущих, – специальный раздел по международному гуманитарному сотрудничеству, в котором дано более развернутое толкование роли общественной дипломатии в российской внешней политике с акцентом на роль институтов гражданского общества и экспертного сообщества¹. В то же время, в отличие от редакции Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года², в новом документе нет упоминания «мягкой силы». Известно, что в российских официальных кругах термин «мягкая сила» часто ассоциируется с вмешательством во внутренние дела государств, а потому имеет отрицательные коннотации. Вероятно, именно по этой причине «мягкую силу» в новой редакции не стали упоминать напрямую, но вместо нее сделали специальный раздел по международному гуманитарному сотрудничеству. Однако сам документ содержит множество положений, так или иначе затрагивающих предметное поле «мягкой силы». В Концепции 2023 года раздел, посвященный внешним связям субъектов Российской Федерации, по сути, сохранился в неизменном виде. В целом парадипломатическая часть (не превышающая нескольких строк) не претерпевала каких-либо кардинальных изменений во всех редакциях Концепции внешней политики Российской Федерации начиная с 1993 года. Эта доктринальная константа свидетельствует скорее о слабом интересе федерального центра к парадипломатии и отсутствию восприятия внешних связей регионов как значимого ресурса для внешней политики России.

Еще одним важным ориентиром для российских участников международного диалога выступает Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, впервые появившаяся в 2022 году. В ней, по сравне-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации 31.03.2023 № 229. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/> (дата обращения: 02.04.2023).

² Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации 30.11.2016 № 640. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения: 12.03.2023).

нию с Концепцией внешней политики Российской Федерации, роль российских регионов во внешнеполитической сфере представлена более детально (ст. 115, 117)³.

Приоритет развития трансграничных взаимодействий с географически и исторически соседними странами связан с поддержанием и укреплением культурных, этнических и языковых связей с народами этих стран и в конечном счете с созданием благоприятного образа России в мире. Межтерриториальное сотрудничество следует рассматривать как систему взаимообусловленных индивидуальных действий (Межевич, 2009, с. 23). Это также объясняет, почему анализ трансграничного сотрудничества должен начинаться со сбора и обработки данных о внешней среде, которая может способствовать или препятствовать взаимодействию сообществ, городов и регионов.

Цель настоящего исследования – выявление динамики развития субнациональной общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» в современных геополитических условиях на примере приграничного региона Северо-Западного федерального округа Российской Федерации – Республики Карелия.

Республика Карелия выбрана в качестве модельной площадки для исследования динамики развития общественной дипломатии в новых международно-политических условиях по нескольким причинам:

- с 2014 года в ходе стагнации отношений между Россией и Западом и после начала общеизвестных событий на Украине в 2022 году наибольший ущерб от сокращения приграничного сотрудничества как важнейшей сферы парадипломатии понесли именно эти субнациональные регионы. Произошло это как в силу наличия значительного количества проектов, так и вследствие географического фактора – соседства с государствами-членами Европейского союза (ЕС);

- подходы западных государств к парадипломатическому треку на российском направлении имеют свои национальные особенности, и эти отличия отчетливо проецируются на северо-западных рубежах России, особенно в Карелии;

- официальный внешнеполитический курс, отраженный в том числе в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, подтверждает необходимость и потребность России в нормализации отношений с Западом⁴.

Таким образом, парадипломатия в условиях масштабного международно-политического кризиса не только не утрачивает своего значения, но, напротив, актуализируется в качестве сложного феномена, сопряженного и с внешней политикой государства, и с общественными инициативами. Однако понимание значимости парадипломатического фактора в экспертных кругах в целом находится на низком уровне и парадипломатия не воспринимается как весомый ресурсный институт.

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации 05.09.2022 № 611. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴ Там же. П. 17.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Мягкая сила»

Обращаясь к терминологическим аспектам рассматриваемой в статье проблемы, необходимо отметить, что употребление понятий «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия» в российских исследованиях во многом зависит от авторского подхода. Отечественные исследователи подробно останавливались на происхождении и возможных разграничениях терминов (Лебедева, 2017; Шлапек, 2017; Васильева и Антончева, 2019), отмечая, что ни в одном концептуальном российском документе нет определения публичной дипломатии. Эксперты склонны рассматривать общественную дипломатию как одно из направлений публичной дипломатии государства (Мухаметов, 2014; Васильева и Антончева, 2019). Субъектами общественной дипломатии выступают общественные организации, экспертные сообщества, частные лица и др. Однако объект и цели общественной и публичной дипломатии совпадают: «объект – это международное общественное мнение, а цель – создание позитивного имиджа и налаживание долговременных добрососедских взаимоотношений» (Шлапек, 2017, с. 153–154). В данной работе *под «общественной дипломатией» понимается система международной коммуникации институтов гражданского общества в культурной, научной, гуманитарной и иных областях*. Несмотря на мнение авторов доклада «Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг.», полагающих, что термин «народная дипломатия» устарел⁵, следует признать, что именно ситуация в регионах и сохраняющиеся личные контакты свидетельствуют о колоссальной роли отдельных персоналий (преподавателей, спортсменов, деятелей культуры и др.) в сохранении диалога с зарубежными обществами. Особая роль частных лиц и некоммерческих организаций (НКО) во внешней политике состоит в том, что их «отношения с иностранными партнерами имеют тенденцию сохраняться и развиваться независимо от отношений между государствами» (Шлапек, 2017, с. 153).

Термин «мягкая сила» в современном значении концептуализировал и ввел в оборот американский политолог Джозеф Най. В своей статье 1990 года Най назвал «мягкой силой» способность «заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты» (Nye, 1990, p. 167), позднее расширив формулировку: «достигать результатов через убеждение и притягательность, а не через принуждение или плату»⁶. Концепт «мягкой силы» подразумевает достижение целей на международной арене за счет добровольного участия – например, с помощью открытия языковых центров и других культурных и общественных учреждений, НКО. В качестве источников «мягкой силы» Дж. Най указал

⁵ *Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг.: доклад № 86* / Н. В. Бурилинова, Д. Е. Божко, В. Н. Табак и др.; под ред. Е. О. Карпинской, Е. С. Швецово́й, С. М. Гавриловой; Рос. совет по междуна́р. делам, Центр поддержки и развития обществ. инициатив «Креативная дипломатия». М.: НП РСМД, 2022. С. 8.

⁶ Nye J. S. Jr. Why China is weak on soft power [Online] // New York Times. Jan., 17, 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0 (Accessed March 25, 2023).

три: культуру, политические ценности и внешнюю политику. Предложенная концепция, несмотря на приобретенную популярность, вызвала широкую дискуссию. Многие авторы подвергают сомнению эффективность «мягкой силы» как инструмента внешней политики в эпоху глобальной нестабильности и турбулентности, а также критикуют эту концепцию за методологическую эклектичность и невозможность верификации (Наумов, 2021; Юдин, 2018).

В России в последние годы осознали важность «мягкой силы», эффект которой заметен в долгосрочной перспективе, и приступили к созданию институтов публичной и общественной дипломатии. Научно-культурное и гуманитарное сотрудничество – традиционные инструменты «мягкой силы», используемые многими государствами для продвижения своих интересов. Вполне закономерно, что в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации отмечается необходимость расширения контактов между людьми, формирования и укрепления объективного восприятия нашей страны в мире, содействия пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре.

Общественная дипломатия

Признание на официальном уровне роли институтов гражданского общества как инструментов «мягкой силы» государства сопровождается растущим научным интересом к данной проблематике. В исследованиях *международная деятельность общественных организаций охватывается понятием «общественная дипломатия»*, определяются ее возможные роли и особый характер. В работах И. Л. Шершнева и Р. С. Мухаметова перечисляются задачи общественной дипломатии: воздействие на общественное мнение, участие в международных программах развития, создание информационной инфраструктуры, участие в форумах, организация дискуссионных площадок, ознакомление зарубежной аудитории с национальным наследием (Шершнев, 2012; Мухаметов, 2014). В докладе Российского совета по международным делам отмечаются гуманитарные функции НПО-международников: культурная и языковая дипломатия, работа с соотечественниками; сохранение исторической правды и политика противодействия фальсификации истории в международном общественном пространстве; международное молодежное сотрудничество⁷.

Синтез «мягкой силы», общественной дипломатии и парадипломатии

В современных исследованиях позитивно оценивается опыт приграничных территорий Северо-Запада России в развитии международных, и в первую очередь побратимских, связей (Lavrushina et al., 2021; Кондратьева, 2022), внешнеэкономического сотрудничества (Межевич, 2009; Шлямин, 2022), что во многом определяет потенциал регионов и городов в реализации политики «мягкой силы», а также в привлечении внешних ресурсов в региональные программы развития.

⁷ Российские НПО-международники в системе публичной дипломатии России: типология, проблемы взаимодействия с государством и внешний образ в условиях санкций: доклад № 81 / Н. В. Бурлинова; под ред. Е. О. Карпинской, Е. С. Швецово́й, И. А. Цымбал; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2022. С. 16.

По мнению специалистов, «формирование бренда страны и обретение ею “мягкой силы”, даже при самых благоприятных условиях, это долгий процесс, результаты которого становятся обычно заметными в среднем через два десятилетия (то есть на страну по-новому взглянет уже следующее поколение)»⁸. Наибольший интерес вызывают исследования «мягкой силы» субнациональных акторов и иных субъектов по отношению к ним (Актамов и Родионов, 2021; Артеев, 2021; Соколова и Конышева, 2021). Эту группу работ отличает незначительная представленность и недостаточная степень проработанности теоретико-методологической базы. Между тем исследования внешних связей регионов активно развиваются в России с 1990-х годов, и можно говорить об определенной традиции отечественных парадипломатических исследований, теоретическую основу которой составляют работы авторов из Нижнего Новгорода, Томска, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Москвы и других научных центров (Макарычев, 2000; Александров, 2005; Плотникова и Дубровина, 2016; Маркушина, 2011; Яровой и Белокурова, 2012).

Таким образом, несмотря на изученность многих аспектов, в научном дискурсе не хватает анализа проблемной конфигурации «кризис – мягкая сила – общественная дипломатия».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К числу факторов сближения российского Северо-Запада, в частности Республики Карелия, и Северной Европы относятся географическое положение, опыт побратимских отношений между городами, радикальные политические перемены в России на рубеже 1980–90-х годов.

Признание Северо-Запада России наряду с Данией, Исландией, Норвегией, Швецией и Финляндией частью геополитической концепции «Новая Северная Европа» зарубежными и отечественными исследователями (Маркушина, 2011) стало предпосылкой углубления контактов в разных общественных сферах и на разных административно-территориальных уровнях. Хотя первые шаги к сближению российских и европейских городов были сделаны еще в советский период, когда практика сотрудничества с городами-побратимами развивалась на основе взаимного интереса представителей широкой общественности: устанавливались связи между учреждениями образования, спорта, культуры, предприятиями, организовывались дни культуры, профессиональные и молодежные обмены. В октябре 1944 года, благодаря нормализации взаимоотношений между СССР и Финляндией, появилось общество «Финляндия – Советский Союз», которое за три года «выросло до 174 тысяч человек и имело свои отделения по всей стране» (Вавулинская, 2018, с. 230). Общение (переписка, обменные визиты, публикации) с жителями города-побратима Варкауса (Финляндия) для многих петрозаводчан (Республика Карелия, Россия) было «единственной возможностью познакомиться с жизнью обычных людей по ту сторону границы, расширить свой кругозор» (Вавулинская, 2018, с. 244).

⁸ Паришин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс] // Аналит. доклады ИМИ МГИМО(У) МИД России. 2013. Вып. 1. С. 30. URL: https://mgimo.ru/files2/y03_2013/236148/zak136_ad_parshin4_web.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

Изменения, произошедшие в начале 1990-х годов, подтолкнули страны Северной Европы подключить Россию и ее регионы к созданию на европейском Севере условий для устойчивого развития государств и учреждения Совета государств Балтийского моря (1992), Совета Баренцева/Евроарктического региона (1993), Арктического совета (1996). Одновременно на локальном уровне появились общества дружбы со странами региона, например «Карелия – Норвегия», Общество дружбы с Эстонией «Очаг», которые способствовали не только знакомству с историей, культурой и образом жизни народов, но и созданию климата доверия и всестороннему общению между жителями городов, регионов, стран.

Регионы и города Финляндии и Северо-Запада России, основываясь на уже имеющемся опыте и получив новые возможности, стали расширять сотрудничество. В соответствии с межправительственным соглашением 1992 года непосредственными партнерами Финляндии стали Санкт-Петербург, Ленинградская и Мурманская области, Республика Карелия⁹. Соглашение предусматривало взаимодействие по довольно широкому кругу вопросов: «экономическое и техническое сотрудничество, культура, наука и общение ученых, спорт и контакты молодежи, побратимские связи и совместные проекты технической помощи» (Маркушина, 2011, с. 103).

Финляндия, несмотря на сложные исторические перипетии, в конце XX – начале XXI века выполняла функцию «парадипломатического окна» России в Европу. Характерными чертами долгое время являлись прагматизм (в экономике), этнический (финно-угорский) фактор (в культуре), асимметричность (соглашения и проекты реализовывались не только на межрегиональном трансграничном уровне, но и по линии «российский регион – Финляндия (центральные власти)», полиакторность (широкая линейка субъектов взаимодействия с обеих сторон).

Присоединение Финляндии и Швеции к ЕС позволило подключить приграничные регионы России к реализации программ европейского сотрудничества. ЕС стал финансировать проекты развития инфраструктуры и коммуникаций на Северо-Западе России по линии субрегиональных объединений и через программы ТАСИС и ИНТЕРРЕГ. Финляндия инициировала проведение политики «Северного измерения» во время своего первого председательства в Совете ЕС (1999) и фактически выступила в качестве посредника между Евросоюзом и Россией. С участием регионов европейских стран были образованы семь еврорегионов, появились и семь программ приграничного сотрудничества (ППС): «Коларктик» (Россия – Финляндия – Швеция – Норвегия), «Карелия» (Россия – Финляндия), «Россия – Юго-Восточная Финляндия», «Россия – Эстония», «Россия – Латвия», «Россия – Польша» и «Россия –

⁹ *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области от 20.01.1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900157> (дата обращения: 02.04.2023); *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и Финляндской Республикой от 13.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902359649> (дата обращения: 04.04.2023).

Литва». Первая совместная серия ППС России и ЕС стартовала в 2007 году в рамках «Европейского инструмента соседства и партнерства». С российской стороны в приграничном сотрудничестве участвовали Республика Карелия, Ленинградская, Мурманская, Псковская, Архангельская и Калининградская области, а также Ненецкий автономный округ и город Санкт-Петербург. В рамках действия ППС проекты были направлены на повышение уровня жизни населения приграничных регионов, развитие транспортной инфраструктуры, обустройство государственной границы, поддержку местных культур, стимулирование предпринимательства, улучшение экологии и др.

Ранее в работах были проанализированы международные проекты и выявлено, что «для некоммерческих организаций Северо-Запада России участие в проектах способствовало популяризации российских достижений и получению нового экспертного знания, позволило улучшить материально-техническую базу, расширить международные контакты» (Шлапек, 2017, с. 160). Многие годы представители частного и общественных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления «наращивали потенциал приграничного сотрудничества, что привело к росту инвестиций, расширению делового сотрудничества, стало уникальной возможностью развития территории и привлечения населения» (Шлапек и Степанова, 2018, с. 46). Имеющиеся родственные связи и сформированная сеть контактов на уровне жителей сопредельных территорий Финляндии и России материализовались в ежедневных или довольно частых практиках трансграничной мобильности, воспринимаемых населением российско-финляндского приграничья по обе стороны государственной границы как привычное дело (Honkanen et al., 2016; Kondrateva and Shlapenko, 2021; Kaisto et al., 2022).

Кризис североевропейских отношений с участием российских регионов наметился в 2014 году, когда стратегическое партнерство России и ЕС было прекращено, а сотрудничество в условиях санкций стало избирательным. Тем не менее сохранились программы приграничного сотрудничества, которые и Россией, и государствами-членами ЕС рассматривались как деполитизированный и взаимовыгодный инструмент взаимодействия, способствующий укреплению доверия и развитию контактов между людьми. До недавнего времени международные связи российских регионов, граничащих со странами ЕС и Норвегией, были довольно развиты и по линии субрегиональных организаций. Однако в марте 2022 года Совет государств Балтийского моря приостановил участие России, а в мае российской стороной было принято официальное решение о выходе из организации. Совет Баренцева-Евроарктического региона, «Северное измерение» ЕС, а также Арктический совет во время российского председательства приостановили сотрудничество с Москвой. В результате к весне 2022 года взаимные связи были не только качественно сокращены, но и полностью разорваны по большинству направлений. Российские проекты приграничного сотрудничества приостановлены, расторгнуты соглашения о побратимских связях европейских и российских городов, что наносит ущерб сообществам по разные стороны государствен-

ных границ. Ближайшие перспективы восстановления хотя бы части связей неблагоприятны, более отдаленные – неопределенны (и, скорее, неутешительны). Взамен этого осуществляется географическая «реструктуризация» внешних связей регионов России, упорочиваются межрегиональные взаимодействия между субъектами РФ» (Клемешева и др., 2021, с. 8).

Разрыв официальных дипломатических связей и усилившаяся информационная война ставят под вопрос развитие устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и зарубежными партнерами. Информационное сопровождение внешней политики России на международной арене через каналы Russia Today, Visit Russia и другие заблокировано.

Ввиду транспортных и визовых ограничений, введенных в отношении российских граждан, оказались затруднены туристические и деловые поездки россиян. «Согласно статистике стран Шенгенского соглашения, Россия в 2021 году лидировала по числу заявлений на шенгенские визы среди третьих стран. Граждане РФ подали 536,2 тыс. заявлений на шенгенскую визу. Количество выданных виз составило 513,8 тыс., из которых 86 % – многократные»¹⁰. С 1 сентября 2022 года изменился порядок подачи заявлений на получение шенгенской визы Финляндии: теперь ее можно получить лишь в двух представительствах Финляндии в России – в Москве и Санкт-Петербурге. По решению правительства Финляндии въезд граждан России с туристическими целями в Финляндию ограничен с 30 сентября 2022 года. Заключенные с Россией и Беларусью международные договоры страхования автогражданской ответственности «Зеленая карта» прекратили свое действие в конце мая 2023 года. Срок действия всех ранее выданных «Зеленых карт» истек 31 мая, после чего новые «Зеленые карты» не выдаются¹¹.

За последнее время прекратилось практически все сотрудничество Финляндии с Россией: приостановлены совместные проекты в образовании, науке, спорте и культуре, разорваны контакты между общественными организациями, регионами и городами-побратимами. 6 марта 2022 года на сайте Европейской комиссии было опубликовано сообщение о том, что Европейская комиссия приняла решение приостановить сотрудничество с Россией и Беларуссией в программах трансграничного сотрудничества в рамках «Европейского инструмента соседства и партнерства», а также в программе ИНТЕРРЕГ для региона Балтийского моря. Кроме того, в одностороннем порядке Обществом «Финляндия – Россия», финской неправительственной организацией, было заморожено взаимодействие по линии Российско-Финляндского культурного форума и Конгресса породненных городов. На заседании 16 июня 2022 года правлением Общества «Финляндия – Россия» было принято решение о прекращении управления Обществом Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге¹². Вскоре МИД России «принял решение прекратить сотрудниче-

¹⁰ *Какие* консульства стран Европы выдают шенгенские визы россиянам [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2022. 21 нояб. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/analytics/market_overview/93370/ (дата обращения: 12.03.2023).

¹¹ *Finland abroad* [Online]. URL: <https://finlandabroad.fi/web/rus/glavnaya> (Accessed May 4, 2023).

¹² *Ruponen S.* Общество «Финляндия – Россия» прекращает управление Институтом Фин-

ство с финской неправительственной организацией Общество «Финляндия – Россия»¹³.

Вступление Финляндии в НАТО и готовящееся присоединение Швеции к Североатлантическому союзу актуализируют внимание к приграничным северным территориям и необходимость сохранения их стабильности в новой ситуации.

ОБСУЖДЕНИЕ

Развитие коммуникационных и информационных технологий привело к резкому увеличению взаимодействия людей по всему миру за пределами национальных границ. Среди тенденций особенно заметен поворот к цифровизации международных отношений (Цветкова, 2020), которая усилилась во время пандемии, приостановившей реальные контакты и побудившей людей повсеместно обращаться к социальным сетям и онлайн-платформам. Появление новых технологий и их внедрение в качестве инструментов для дальнейшей гражданской дипломатии сделало возможным более широкое общение, чем когда-либо прежде. В этом смысле примечательно, что пандемия открыла путь к цифровым коммуникациям между городами как новой форме сотрудничества, демонстрируя, таким образом, гибкость его участников, а также устойчивость социального общения. «Недостаток личного взаимодействия в некоторой степени компенсировался возможностями современных технологий, позволяя организовывать контакты в режиме онлайн различных акторов, пересекая в виртуальном пространстве границы государств» (Кондратьева, 2022, с. 151). Примеры сохранения и развития международных связей и народной дипломатии представлены на официальных страницах муниципалитетов регионов Северо-Запада и общественных организаций¹⁴.

В 2020 году в Петрозаводске (Республика Карелия) проходила акция «Финская осень», объединившая такие даты, как 100-летие финноязычной газеты «Карьялан Саномат», 55 лет побратимских связей между Петрозаводском и Варкауsom и ежегодную Неделю финского языка. В рамках «Финской осени» состоялись открытые лекции и уроки, пресс-клубы, мастер-классы, выставки, показы фильмов, викторины, конкурсы, флешмобы. Ряд мероприятий, например семинар «Сотрудничество муниципалитетов Карелии и Финляндии: опыт и перспективы», прошли в онлайн-формате из-за невозможности непосредственного участия финских коллег. Однако, с другой стороны, это позволило значительно расширить аудиторию. Более 2 тыс. человек посмотрели выступления финских и российских ученых в Youtube в рамках публичного научно-просветительского семинара-лектория «Россия, Финляндия, Карелия:

ляндии в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Suomi Venäjä seura. 2022. 20 июня. URL: <https://suomivenajaseura.fi/ofr-prekrashchaet-upravlenie-spi/> (дата обращения: 04.05.2023).

¹³ МИД РФ прекращает сотрудничество с НПО Общество «Финляндия – Россия» [Электронный ресурс] // ТАСС. 2022. 24 июня. URL: <https://tass.ru/politika/15021155> (дата обращения 04.05.2023).

¹⁴ Международные связи: опыт сотрудничества НКО и муниципалитетов [Электронный ресурс] // Офиц. сайт некоммер. орг. Респ. Карелия. 2020. 10 дек. URL: <http://nko-karelia.ru/news/4632> (дата обращения: 12.03.2023).

страницы общей истории и культуры». Осенью 2021 года Карельский фонд развития общественной дипломатии провел круглый стол «Побратимские связи: история и современные вызовы», пригласив к дискуссии представителей Общества «Финляндия – Россия» с финской стороны и карельских экспертов из Национального музея Республики Карелия, Центра финского языка в Республике Карелия и Междисциплинарного научно-образовательного центра прибалтийско-финских исследований “Fennica” Института Североевропейских исследований ПетрГУ (Кондратьева, 2022, с. 153).

Взаимодействие, партнерство, установление контактов – основной механизм развития любой некоммерческой организации. «Общественные организации широко используют как каналы личного общения, так и интернет-СМИ для увеличения аудитории: блоги, страницы, социальные сети» (Шлапеко, 2017, с. 155). Для интернет-сообщества как современной формы организации пространства взаимодействия и поддержки не имеет значения местонахождение участников. Так, официальная страница Общества дружбы «Карелия – Финляндия» с почти 1 тыс. подписчиков в популярной в России сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/karjalafinland>) представляет собой платформу знакомства с направлениями деятельности Общества и финской культурой. Кроме того, в Карелии создана и функционирует интернет-площадка некоммерческих организаций Республики Карелия (<http://nko-karelia.ru/>), где размещены постоянно обновляемые страницы организаций региона. Интернет-сообщество как инструмент является достаточно гибким и универсальным, чтобы использовать его почти в любых ситуациях, где необходимо организовать взаимодействие. Другим примером может служить деятельность Центра финского языка в Республике Карелия, также имеющего страницу в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/kareliacenterfinnish>). Руководитель этой региональной общественной организации Т. И. Исламаева организует обсуждения на актуальные темы, привлекающие специалистов, преподавателей, учителей и активистов, в уже ставшем традиционным виртуальном формате. Очередное мероприятие, посвященное театру и его роли в сохранении и развитии языков, успешно состоялось осенью 2023 года. Таким образом, стремительное развитие цифровых технологий многократно увеличивает возможности некоммерческих организаций влиять на общественное мнение.

Сохраняющаяся составляющая трансграничных связей – родственные отношения между людьми. Так, в настоящее время около половины (44 %) иммигрантов в Северной Карелии (Пóхьейс-Карьяла) имеют русское (российское) происхождение, образуя наиболее значительную группу мигрантов в этой финской провинции (Sireni et al., 2021). У проживающих за рубежом соотечественников есть возможность формировать собственное представление о России как на основе материалов СМИ, так и опираясь на личные впечатления. Российские НКО могли бы выполнять функцию поддержания социальных и культурных связей с русскими за рубежом, которые в свою очередь формируют представление о России у зарубежной аудитории. При поддержке консульских учреждений наши соотечественники могли бы выступить организаторами культурных, образовательных мероприятий и встреч в стране

проживания. Польза таких мероприятий очевидна – поддержание открытого диалога и сохранение климата доверия между региональными сообществами России и иностранных государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня ситуация в международных и межрегиональных транснациональных отношениях претерпела радикальные изменения. Поддержание контактов между Российской Федерацией и Западом на разных уровнях сильно затруднено, но по-прежнему необходимо, что признается противоборствующими сторонами. И гуманитарные связи – одна из немногих сфер, где осталось поле для маневра. Между тем транснациональные связи на субгосударственном уровне позволяют сделать акцент именно на социокультурном аспекте, поэтому некоммерческие организации при содействии местных сообществ по-прежнему способны поддерживать трансграничный диалог. Более того, отчасти они могут восполнить потери по линии межгосударственного сотрудничества. С другой стороны, переориентация внешней политики России в незападные ареалы продвигается сложно и явно нуждается в расширении своего инструментария, что означает потенциальную востребованность общественной дипломатии и на этом направлении. Деполитизированный в военно-политическом отношении характер субнационального международного взаимодействия позволит сторонам использовать возможности «мягкой силы», выявляя значимые для России направления и условия поступательного развития трансграничных взаимодействий с различными государствами в новой международно-политической реальности. Динамика взаимодействия между Российской Федерацией и Западом с помощью комплекса «парадипломатия/общественная дипломатия» на примере Республики Карелия в контексте международного кризиса свидетельствует о востребованности такого формата и его высоких компенсационных возможностях относительно традиционной дипломатии.

Список источников

Актамов И. Г., Родионов В. А. Инструменты мягкой силы Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 92–102. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-92-102>.

Александров О. Б. Регионы во внешней политике России: роль Северо-Запада. М.: МГИМО-Университет, 2005. 187 с.

Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32–57. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57>.

Вавулинская Л. И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 228–249. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2018.1081>.

Васильева О. С., Антончева О. А. Концепт общественной дипломатии // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10, № 4. С. 196–205.

Кондратьева С. В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 143–156. <https://doi.org/10.17223/15617793/481/17>.

Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>.

Маркушина Н. Ю. Внешние связи Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 102–111.

Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество и практика деятельности Еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь. СПб.: Левша, 2009. 264 с.

Мухаметов Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2014. Т. 9, № 2. С. 84–90.

Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 122–131. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-122-131>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika> (дата обращения: 25.03.2023).

Плотникова О. В., Дубровина О. Ю. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 192 с.

Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России / Под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожейной, Г. М. Федорова и др. Часть 1. Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья. Калининград: Балтийск. федер. ун-т имени Иммануила Канта, 2021. 213 с.

Российские регионы как международные акторы / Под ред. А. С. Макарычева. Нижний Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т имени Н. А. Добролюбова, 2000. 114 с.

Соколова М. В., Коньшова А. Г. Бренд территории как фактор «мягкой силы» региона: понятие и подходы к построению // Экономика и предпринимательство. 2021. № 6. С. 403–406. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.078>.

Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>.

Шершнев И. Л. Роль неправительственных организаций в институализации российской общественной дипломатии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 52–58.

Шлапек Е. А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1. С. 152–162.

Шлапек Е. А., Степанова С. В. Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия – Северная Карелия, Финляндия) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018, Т. 9, № 3. С. 39–48. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304>.

Шлямин В. А. Приграничный регион на северо-западе России: сборник избранных статей, докладов, выступлений, интервью. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. 181 с.

Юдин Н. В. Блеск и нищета рейтингов «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2018. № 7. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2050?ysclid=lfsl1oalao359512231> (дата обращения: 28.03.2023).

Яровой Г. О., Белокурова Е. В. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб.: Норма, 2012. 368 с.

Honkanen A., Pitkanen K., Hall M. C. A local perspective on cross-border tourism: Russian second home ownership in Eastern Finland // International Journal of Tourism Research. 2016. Vol. 18, № 2. P. 149–158. <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.

Kaisto V., Brednikova O., Korjonen-Kuusipuro K. Switching cars with the militsiya and other ways the Finnish-Russian borderland is 'lived' by people in their everyday lives // Borders in Globalization Review. 2022. Vol. 4, № 1. P. 8–20. <https://doi.org/10.18357/bigr41202220598>.

Kondratyeva S. V., Shlapenko E. A. Travel preferences of Finnish cross-border tourists: Opportunities and limitations for Russian Karelia // Geographia polonica. 2021. Vol. 94, № 4. P. 555–572. <https://doi.org/10.7163/GPol.0220>.

Lavrushina N., Malmi M., Tirri S. Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities [Электронный ресурс] // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2021. № 6. С. 479–482. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026>. URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=2026> (дата обращения: 25.03.2023).

Nye J. S. Jr. Soft power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>.

Sireni M., Pöllänen P., Davydova-Minguet O. Invisible agents of rural development. Russian immigrant women in the Finnish border region // Frontiers in Sociology. 2021. Vol. 6. Art. № 601726. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.601726>.

Информация об авторах

Е. А. Шлапек – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», 185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

SPIN-код (РИНЦ): 5725-6829

AuthorID (РИНЦ): 722398

Web of Science ResearcherID: L-8234-2017

Scopus Author ID: 5720044385

С. П. Артеев – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов ФГАУО ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76

SPIN-код (РИНЦ): 9142-0323

AuthorID (РИНЦ): 862267

Web of Science ResearcherID: E-9387-2016

Scopus Author ID: 57222760772

С. В. Кондратьева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», 185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

SPIN-код (РИНЦ): 3004-4231

AuthorID (РИНЦ): 443182

Web of Science ResearcherID: H-3097-2015

Scopus Author ID: 57190860233

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 02.08.2023; принята к публикации 02.08.2023.

References

Aktamov, I. G. and Rodionov, V. A. (2021), “Mongolia’s soft power tools in relation to Russian regions at the beginning of the 21st century”, *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 92–102, <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-92-102>.

Aleksandrov, O. B. (2005), *Regiony vo vneshnei politike Rossii: Rol' Severo-Zapada* [Regions in the international politics of Russia: The role of North-West], MGIMO University, Moscow, Russia.

Arteev, S. P. (2021), “Foreign policy of Russia: “Soft power” of the regions”, *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 13, no. 1, pp. 32–57, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57>.

Vavulinskaia, L. I. (2018), “Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland, 1950–70s”, *Nordic and Baltic Studies Review*, no. 3, pp. 228–249, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2018.1081>.

Vasileva, O. S. and Antoncheva, O. A. (2019), “The concept of public diplomacy in the foreign policy of the Russian Federation”, *Scientific Works of the North-Western Institute of Management RANEPa*, vol. 10, no. 4, pp. 196–205.

Kondrateva, S. V. (2022), "Sister city connections in the development of benevolent relations: The practice of Karelian-Finnish interaction", *Tomsk State University Journal*, no. 481, pp. 143–156, <https://doi.org/10.17223/15617793/481/17>.

Lebedeva, M. M. (2017), "Soft power": The concept and approaches", *MGIMO Review of International Relations*, no. 3, pp. 212–223, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>.

Markushina, N. Yu. (2011), "International relations of the North-West federal district of the Russian Federation and the New North concept", *Baltic Region*, no. 2, pp. 102–111.

Mezhevich, N. M. (2009), *Prigranichnoe sotrudnichestvo i praktika deyatel'nosti Evroregionov na Severo-Zapade Rossii i v Respublike Belarus'* [Cross-border cooperation and the practice of Euroregions in the North-West of Russia and in the Republic of Belarus], Levsha, St. Petersburg, Russia.

Muhametov, R. S. (2014), "Public diplomacy in foreign policy of the state", *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3, Social and Political Sciences*, vol. 9, no. 2, pp. 84–90.

Naumov, A. O. (2021), "Joseph Nye's concept of soft power in foreign scientific discourse: Interpretation and criticism", *Public Administration. E-journal*, no. 89, pp. 122–131, <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-122-131> [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefanaya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika> (Accessed March 25, 2023).

Plotnikova, O. V. and Dubrovina, O. Yu. (2016), *Mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: kharakteristika i osobennosti* [International relations of states' regions: Characteristics and features], Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Klemeshev, A. P., Vorozhein, Ya. A., Fedorov, G. M. et al. (eds.) (2021), *Prigranichnoe sotrudnichestvo vdol' gosudarstvennoi granitsy Rossii* [Cross-border cooperation along the state border of Russia], Part 1. Regions of the Far East, Siberia, the Urals and the Volga region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Makarychev, A. S. (ed.) (2000), *Rossiiskie regiony kak mezhdunarodnye aktory* [Russian regions as international actors], Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia.

Sokolova, M. V. and Konysheva, A. G. (2021), "Place brand as a factor of the regional "soft power": Concept and approaches to development", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 6, pp. 403–406, <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.078>.

Tsvetkova, N. A. (2020), "The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 37–47, <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>.

Shershnev, I. L. (2012), "The role of non-governmental organizations in the institutionalization of Russian public diplomacy", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 52–58.

Shlapenko, E. A. (2017), "Institute of public diplomacy and its place in cross-border social and cultural space", *Ojkumena. Regional Researches*, no. 1, pp. 152–162.

Shlapenko, E. A. and Stepanova, S. V. (2018), "Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia – North Karelia, Finland)", *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, vol. 9, no. 3, pp. 39–48, <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304>.

Shlyamin, V. A. (2022), *Prigranichnyi region na severo-zapade Rossii: Sbornik izbrannykh statei, dokladov, vystuplenii, interv'yu* [Boarder region in the north-west of Russia: Collection of selected articles, reports, speeches, interviews], Publishing House of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Yudin, N. V. (2018), "The brilliance and poverty of soft power ratings", *The International Affairs*, no. 7 [Online], available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2050?ysclid=lfsl1oaloe359512231> (Accessed March 28, 2023).

Yarovoi, G. O. and Belokurova, E. V. (2012), *Evropeiskii Soyuz dlya regionov: chto mozjno i nuzhno znat' rossiiskim regionam o ES* [European Union for regions: What Russian regions can and should know about the EU], Norma, St. Petersburg, Russia.

Honkanen, A., Pitkanen, K. and Hall, M. C. (2016), "A local perspective on cross-border tourism: Russian second home ownership in Eastern Finland", *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no. 2, pp. 149–158, <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.

Kaisto, V., Brednikova, O. and Korjonen-Kuusipuro, K. (2022), "Switching cars with the militsiya and other ways the Finnish-Russian borderland is 'lived' by people in their everyday lives", *Borders in Globalization Review*, vol. 4, no. 1, pp. 8–20, <https://doi.org/10.18357/bigr41202220598>.

Kondrateva, S. V. and Shlapenko, E. A. (2021), "Travel preferences of Finnish cross-border tourists: opportunities and limitations for Russian Karelia", *Geographia Polonica*, vol. 94, no. 4, pp. 555–572, <https://doi.org/10.7163/GPol.0220>.

Lavrushina, N., Malmi, M. and Tirri, S. (2021), "Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities", *Nordic and Baltic Studies Review*, no. 6, pp. 479–482, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026> [Online], available at: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=2026> (Accessed March 25, 2023).

Nye, J. S. Jr. (1990), "Soft power", *Foreign Policy*, no. 80, pp. 153–171, <https://doi.org/10.2307/1148580>.

Sireni, M., Pöllänen, P. and Davydova-Minguet, O. (2021), "Invisible agents of rural development. Russian immigrant women in the Finnish border region", *Frontiers in Sociology*, vol. 6, art. no. 601726, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.601726>.

Information about the authors

E. A. Shlapenko – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 50 A. Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia

SPIN-code (RSCI): 5725-6829

AuthorID (RSCI): 722398

Web of Science ResearcherID: L-8234-2017

Scopus Author ID: 5720044385

S. P. Arteev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of World Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

SPIN-code (RSCI): 9142-0323

AuthorID (RSCI): 862267

Web of Science ResearcherID: E-9387-2016

Scopus Author ID: 57222760772

S. V. Kondrateva – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 50 A. Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia

SPIN-code (RSCI): 3004-4231

AuthorID (RSCI): 443182

Web of Science ResearcherID: H-3097-2015

Scopus Author ID: 57190860233

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 02.08.2023; accepted for publication 02.08.2023.